

Ольгин Псков и град Петров: сравнение двух описаний

I

В Житии святой блаженной и равноапостольной великой княгини Ольги, как оно изложено в «Степенной книге царского родословия», можно прочесть такую историю: «Еще бо граду Пскову не сущу, но бяше тогда начальный град во стране той, зовомый Изборск, идеже преже господствуя Трувор, брат перваго рускаго великаго князя Рюрика, иже бе свекор сея блаженныя Ольги, ея же молитвою и проречением наздася преславный град Псков. Блажен еси и преблажен Богом препрославленный граде Пскове, яко всеильный Бог от страны твоея произведе и породе нам таковой чудный плод благоцветущий, блаженную Ольгу. Блажени есмы и мы, сподобившеся от Бога получитьи таковой благоплодный царственный зрелый сад, благочестием умноженный, и пресладкий добродетельми, и добролиственный благоуправлением, им же мы вси, яко благосеннолистственным древом покрываемы, от всякаго вреда вражия избавляемся душевне и телесне, от него же и пресладкаго вкуса Богоразумия насыщаемы веселимся».

Мы прочитали строки, которые можно назвать признанием в любви ко граду Пскову. И первое, что должно вспоминаться выпускникам советских школ, когда речь заходит о признаниях в любви к городам, это пушкинское «люблю тебя, Петра творенье». И раз эти стихи вспоминаются, то хотя бы и выглядела странной наша попытка сравнить строки Жития святой Ольги со стихами поэмы «Медный всадник», мы её сейчас совершим. Но чтобы наше сравнение было более полным, прочитаем другие слова Степенной книги, выделенные в ней в отдельный подзаголовок: «О проречении бытия града Пскова, идеже и света облистание виде блаженная Ольга».

«И прииде блаженная Ольга близ реки, глаголемыя Великия, и бывши ей на конец реки Псковы, и ту бяше тогда велик лес и многия дубравы. И на том месте святая Ольга чудно и преславно видение виде: место оно пресветлыми лучами осиаваемо бе, яко от трисиателнаго света. Блаженная Ольга бе радующися душею, удивляяся неизреченнаго света блистанию, благодать Богу воздая, яко таково обрадованно знамение предъявляше ей на уверение хотящая быти благодати просвещения земли Русей. И пророчествуя, глаголаше ко всему синклиту, иже бяху с нею: «Разумно да будет вам, яко волею Божию на сем месте церковь иматъ быти во имя Пресвятыя Единосущныя и Животворяща Неразделимыя Троицы, Отца и Сына и Святаго Духа. Еще же и град зде велик будет, и славен и изобилен». И по глаголах сих довольно помолися на месте том и крест постави, иже и доныне есть крест той».

Итак, «прииде блаженная Ольга близ реки, глаголемыя Великия, /.../ и ту бяше тогда велик лес и многия дубравы», - начинает свой рассказ царский летописец об основании города Пскова. Интересно отметить, что первые стихи «Медного всадника» тоже говорят о реке и лесе: «На берегу пустынных волн / Стоял он, дум великих полн, / И вдаль глядел. Пред ним широко / Река неслася; бедный чёлн / По ней стремился одиноко. / По мшистым, топким берегам / Чернели избы здесь и там, / Приют убогого чухонца; / И лес, неведомый лучам / В тумане спрятанного солнца, / Кругом шумел».

«Велик лес» (Степенная книга) «кругом шумел» (Медный всадник). Сходство, конечно, любопытное. Впрочем, едва начавшись, сходство рассказов об основании Пскова и Санкт-Петербурга тут же заканчивается. Дальнейшее описание мыслей, стремлений и переживаний первооснователей двух городов открывает нам их полное несоответствие. Так, о причинах основания Пскова на берегу реки Великой сказано: **«И на том месте святая Ольга чудно и преславно видение виде: место оно пресветлыми лучами осиаваемо бе, яко от трисиателнаго света»**. Что же читаем мы о причинах основания Санкт-Петербурга? «Отсель грозить мы будем шведу, / Здесь будет город заложен / На зло надменному соседу». Выходит, что, если место будущего Пскова было осияваемо «трисиательным светом» свыше, то Петербург был заложен «на зло надменному соседу».

Читатель, вы не задумывались над этими словами? Я потому вас об этом спрашиваю, что, зная эти стихи с юношеских лет, никогда не обращал на них должного внимания. Оказывается, город Санкт-Петербург заложен «на зло»! Вы, наверное, скажете, что я вырываю слова из контекста, и что, согласно Пушкину, Петербург заложен не на зло как таковое, а «на зло надменному соседу». Да, конечно, для защиты от снedaемых гордостью и завистью чужих народов был построен Санкт-Петербург в России, но всё же «на зло», а не на добро им он был построен. Что это? Как понимать этот стих? Это пушкинский гений проговорился...

Сравниваем далее Ольгины слова **«разумно да будет вам, яко волею Божию на сем месте церковь имать быти во имя Пресвятыя Троицы»** с мыслями Петра, как они переданы поэтом Пушкиным: «Природой здесь нам суждено / В Европу прорубить окно, / Ногою твердой стать при море. / Сюда по новым им волнам / Все флаги в гости будут к нам / И запируем на просторе». Слышите разницу? «Волею Божией» с одной стороны и «природой суждено» - с другой. **«Здесь будет церковь во имя Пресвятыя Троицы и град велик, славный и изобильный»**, - говорит святая основательница Пскова. «Сюда по новым им волнам / Все флаги в гости будут к нам / И запируем на просторе», - думает о будущем своего города основатель Санкт-Петербурга.

Кстати, как понять смысл последнего стиха? Кто запирует на просторе? Все чужие народы, съехавшись на русскую землю? О чём идёт речь в этом стихе? О гостеприимстве? Или о чём-то ином, что называется словом настолько страшным, что я боюсь его произнести? Если речь о русском хлебосольстве, то неужели нельзя оказать его в уже имеющихся городах? Зачем для этой цели строить новый город? И даже самые волны вокруг него делать новыми? Может, затем и нужно делать новыми город и волны, что по старым волнам в старые города чужеземцы приехать не смогут? Так? Или как-то иначе надо понимать эти мысли Петра Алексеевича, вернее сказать, речи поэта Пушкина?

Сравниваем далее Житие и поэму. На месте основания Пскова святая Ольга **«чудно и преславно видение виде: место оно пресветлыми лучами осиаваемо бе, яко от трисиателнаго света»**. Свет видит блаженная Ольга и радуется, благодаря Бога, или как удивительно говорит Житие, **«благодать Богу воздая»** за хотящее быти просвещение земли Русской. Что же видит царь Пётр, закладывая Петербург, вернее сказать, что пишет об этом Пушкин? «Природой здесь нам суждено / В Европу прорубить окно». Город Санкт-Петербург тоже для света задумывается. Только свет этот будет не с неба, он будет из окна в Европу, и будет он светом не Божественного, но европейского просвещения. «Все флаги будут в гости к нам». Это пушкинское предсказание полностью исполнилось в наши дни. Все флаги, все народы, все веры, все фирмы хлынули к нам. Только не в гости, но почти по-хозяйски. «И запируем на просторе». Вот-вот, и запиروвали они на русском просторе...

Мечта осуществилась. Впрочем, если бы она и не осуществилась, интересно было бы спросить основателя Санкт-Петербурга и его певца, поэта Пушкина: и это всё? Окно в Европу, все флаги в гости, запируем на просторе, – и это всё, что вы хотели, господа? А где же высший смысл жизни, где вечное спасение, где хвала Богу? Ничего этого не нашлось в мыслях основателя Санкт-Петербурга, как они описаны в поэме «Медный всадник».

Нет, Ольга так Пскова не ставила. Другие дали, куда более широкие, открылись её взору на берегу реки Великой. И радость, которая овладела её душой при виде лившегося сверху трисиятельного света, была выше всякой земной радости. В небесном свете она увидела Божие уверение о духовном просвещении Русской земли.

И другая мысль приходит в голову при чтении похвалы граду Пскову. К этой мысли подводит нас выражение Степенной книги **«пресладкий вкус Богоразумия»**. Кажется, что святая Ольга, когда видела блистанье неизреченного света, тоже предвкушала пир, уготовлявшийся на месте града Пскова. Но только не тот всемирно-торговый пир, который воображался самодержцу Петру Алексеевичу, и не тот словесно-художественный пир, который сервируется поэтом Пушкиным в поэме «Медный всадник», не эти пиры предвкушаются святой Ольгой, познавшей пресладкий вкус Богоразумия, но тот единственный пир, о котором некто из возлежащих с Господом сказал: *Блажен, иже снет обед в Царствии Божии* (Лк.14:15).

Не этот ли обед проразумела святая Ольга в увиденном ею чудесном свете? Не его ли предрекла она всем жителям Русской земли, хотящим наследовать спасение? А если так, то к похвале, которую возносит основательнице града Пскова Степенная книга, не может не присоединиться всякое благодарное русское сердце. **«Блажен еси и преблажен Богом препрославленный граде Пскове, яко всеильный Бог от страны твоея произведе и породил нам таковой чудный плод благоцветущий, блаженную Ольгу. Блажени есмы и мы, сподобившися от Бога получитьи таковой благоплодный царственный зрелый сад, /.../, им же мы вси, яко благосеннолистственным древом покрываемы, от всякаго вреда вражия избавляемся душевне и телесне, от него же и пресладкаго вкуса Богоразумия насыщаемы веселимся»**.

II

Мы прочли зачало из «Степенной книги царского родословия», в котором говорилось об основании града Пскова святой Ольгой, и сравнили его с теми стихами поэмы «Медный всадник», где Пушкин описывает основание Санкт-Петербурга. Отметив внешнее сходство этих описаний, мы указали на их внутреннее различие. Сходство касалось реки, леса и пира, а различие касалось существа пира, который виделся воодушевленным взорам первооснователей Санкт-Петербурга и Пскова на берегах рек Невы и Великой.

Приготовленный на берегу пир... Накрытая *при брезе* пища и огонь от костра... Что вспоминается, какая картина рисуется в голове воцерковлённого человека при этих словах? Помимо Евангельского зачала о явлении воскресшего Господа Своим ученикам, когда они, выйдя из лодки, *видеша огонь лежащ, и рыбу на нем лежащу, и хлеб* (Ин.21:9), помимо этих Евангельских слов воцерковлённому человеку не могут не вспомниться стихи из Псалтири: *Господь пасет мя, и ничтоже мя лишит. На месте злачне тамо всели мя, на воде покойне воспита мя. /.../ Уготовал еси предо мною трапезу, против стужающим мне; умастил еси елеом главу мою, и чаша Твоя упоявующи мя яко державна* (Пс.22:1-2,5-6). Эти псаломские стихи читаются готовящимися ко Святому Причащению. Вникнем в них.

На месте злачне /.../, на воде покойне /.../. Уготовал еси предо мною трапезу... Эти псаломские стихи очень близки к прочитанным нами словам как Степенной книги «**благоплодный царственный сад, им же мы вси, яко благосеннолиственным дровом покрываеми**», так и к словам поэмы «Медный всадник» «сюда по новым им волнам / Все флаги в гости будут к нам / И запируем на просторе?»

Цветущий плодовый сад на берегу реки и пирующие люди... Злачное, т.е. наполненное благоухающими растениями (злаками) место возле воды и трапеза... Похоже, что мы обнаружили архетип.

Греческое слово «архетип» можно перевести как «первообраз». Этим словом в психологии и в литературоведении называются изначальные образы, или прообразы, которые лежат в основе человеческой культуры. В словаре литературоведческих терминов читаем: «Архетипы наследуются обществом подобно тому, как отдельным человеком наследуется строение тела. Архетипы определяют последовательность образов, всплывающих в сознании при пробуждении творческой активности, поэтому духовная жизнь несёт на себе архетипический отпечаток». Я бы сказал, что архетипы это то, что видел Адам в раю.

Однако ещё одного символа к перечисленным трём: растительности, воде и трапезе не хватает для полноты найденного нами архетипа. Этот символ назван в Псалме, есть он и в Степенной книге, есть он и в поэме «Медный всадник». Да, мы опять видим удивительное сходство пушкинской поэмы с Боговдохновенными произведениями. Но (и опять «но») это сходство, едва начавшись, заканчивается, потому что пушкинский символ схож с церковными символами только по внешности, не будучи схож с ними по существу. О чём идёт речь?

Аще бо и пойду посреде сени смертныя, не убоюся зла, яко Ты со мною еси: жезл Твой и палица Твоя та мя утешиста (Пс.22:4). Вот стих, стоящий между прочитанными нами стихами о *месте злачне*, *воде покойне* и трапезе, *сопротив стужающим мне*. Вот четвёртый, недостающий символ нашего архетипа, который необходимо должен присутствовать в нём – жезл. Действительно, необходима сила, оберегающая как трапезу, так и пирующих за ней людей. Нужна власть, охраняющая спокойствие райского сада. Символы же этой власти – жезл и палица.

Обратим внимание, как сказано о них во Псалтири: *жезл Твой и палица Твоя та мя утешиста*. Удивительное дело: жезл и палица названы утешительными, т.е. то, что должно устрашать и повергать в трепет, служит к утешению. Впрочем, смысл псаломского «утешения» отличен от смысла, вкладываемого русским языком в это слово. «Утешением» в Священном Писании часто называется учительное слово. *Мужие братие*, - просят начальники антиохийской синагоги апостолов Павла и Варнаву, - *аще есть в вас слово утешения* (логос параклисеос) *к людям, глаголите* (Деян.13:15). Ждал утехи Израилевы и праведный Симеон Богоприимец. *Человек сей праведен и благочестив, чая утехи Израилевы* (параклисин ту исраил) (Лк.2:25). «Царю Небесный, Утешителю (Параклитэ)», - обращаемся мы к Богу Духу Святому, называя Его своим Утешителем, т.е. единственным истинным учителем.

Эти примеры говорят о том, что под «утешением» в церковно-славянском языке понимается не нынешнее сладенькое состояние, когда кто-то кого-то по голове гладит и причитает. Нет, не такое «утешение» подразумевается в церковно-славянском языке, но утешение как назидание, когда оно говорится Святым Духом и Апостолами. Утешительное слово это такое слово, которое не льстит и не обманывает, но при этом обнадёживает и

укрепляет. Почему же укрепляет? Потому что говорит правду, а не ложь. *Утешение* (параклисис) *бо наше*, - пишет апостол Павел солуняном, - *не от прелести, ни от нечистоты, ни лестию* (1Сол.2,3). Потому и сказано во Псалтири, что *жезл Твой и палица Твоя та мя утешиста* (парекалесан). Здесь употреблено двойственное число. Местоимение «*та*» значит те, т.е. жезл и палица меня утешили, поскольку наставили и научили.

Но мы говорили, что такого смысла этого символа не видно в «Медном всаднике». Четвёртый символ нашего архетипа, т.е. знак могущества и власти, знак ограждения и удержания имеет в пушкинской поэме отличное от псаломского содержание. С этим символом случилось в поэме то же, что и с символом пира. Архетипический образ имеется, но его наполнение оказывается несоответствующим наполнению образов Псалтири и Степенной книги. Какое же это наполнение? Неутешительное.

Объяснимся. Во-1-х, что это за образ? Это памятник императору Петру. «И обращен к нему спиною / В неколебимой вышине, / Над возмущенною Невою, / Стоит с простертою рукою / Кумир на бронзовом коне». Что же? Утешает он Евгения? Указывает путь? Наставляет? Ничуть, он преследует и губит. Может ли Евгений сказать о Медном всаднике, что *жезл твой и палица твоя та мя утешиста*? Ни за что. Может ли он сказать другие слова Псалтири: *жезл правости жезл царствия Твоего* (Пс.44:7), или в переводе Юнгерова: жезл правоты – жезл царства Твоего? Не может. Что же олицетворяют собой этот образ поэмы? Какую силу он описывает? Силу отнюдь не наставляющую и учащую, но наказывающую и преследующую. Поэтому и осталась вокруг Евгения «вода и больше ничего». Ни цветущего места, ни уготованной трапезы, ни тех добрых мечтаний, каким предавался герой в начале петербургской повести. Вошёл в неё четвёртый, необходимый для полноты нашего архетипа символ и вместо того, чтобы укрепить собою три первых символа, разрушил всё. Теперь даже вода отнята у Евгения, вернее сказать, вместо «воды покойной» вокруг него бушуют волны наводнения.

Итак, поставив рядом с Псалтирью и Степенной книгой поэму Пушкина «Медный всадник», мы видим, что их первообразы, совпадая по внешности, глубоко различны по содержанию. В словесных образах «Медного всадника» мы не видим той незамутнённой чистоты архетипов, которая открывается нам в Псалтири и в Житии равноапостольной Ольги, зато, как в кривом зеркале, мы видим в пушкинской поэме их обезображенный вид.

Образное мышление дано человеку Богом для того, чтобы тот, пользуясь им, мог бы понимать недостижимые для его разума и ощущать недоступные для его ощущений духовные смыслы (*безвестная и тайная премудрости Твоя явил ми еси* (Пс.50)), иначе говоря, мог бы с помощью образов постигать непостижимого Бога.

Душа по природе христианка. Эти слова церковного писателя Тертуллиана тоже можно назвать архетипическими в том смысле, что в них выражен первообраз. Иными словами, каждая человеческая душа носит на себе отпечаток Сына Божьего. Но если каждая душа носит в себе Христа, тогда откуда берутся Иуды? От своеволия.

И ещё один вопрос в связи с разобранными нами словесными символами возникает. Может ли быть жезл утешающим, а палица вместо сокрушающей – милующая? Может. Во-1-х, мы слышим о таких символах власти в стихах Псалтири: *жезл Твой и палица Твоя та мя утешиста* (Пс.22:4). А во-2-х, мы читаем о них уже не прикровенно, как в Псалтири, но открытым текстом в Житии святой Ольги, в последнем предложении подзаголовка «О проречении бытия града Пскова, идеже и света облистание виде блаженная Ольга»: «**И по глаголах сих довольно помолися на месте том и крест постави, иже и донине есть крест той**».

Этим-то, водружённым святой Ольгой крестом, то бишь «утешающей палицей», лучше же сказать, единственной неложной надеждой всех христиан и самым верным знаком всеобъемлющей Божественной власти, красуется и стоит доселе Богоспасаемый город Псков.